

A man in a brown coat and hat stands on a rocky cliff, looking out over a blue sea with white waves crashing against the rocks. The scene is dramatic and scenic, with a mix of dark grey rocks and vibrant blue water. The man is seen from the back, wearing a brown hat, a brown coat, and brown boots. He has a bag slung over his shoulder and a long stick or staff in his hand. The background shows a steep, rocky cliff with some greenery and a small waterfall on the left. The sea is a deep blue with white foam from the waves. The sky is a pale blue with some clouds.

Александр Надысев
*Скалы у чёрной
реки*

Александр Надысев
Скалы у чёрной реки

«Автор»

2026

Надысев А. В.

Скалы у чёрной реки / А. В. Надысев — «Автор», 2026

Много ли вам известно о царской каторге на Сахалине? А о каторжниках и уголовниках, упрятанных самодержавием на дикий остров? И смогут ли они стать патриотами своей страны, своей Родины? Об этом и пойдёт речь в книге Александра Надысева "Скалы у чёрной реки". Вы очень удивитесь тому, как прибывшие на остров офицеры сумели пробудить патриотические чувства у каторжан, и вместе с ними воевать против японцев, жаждущих захватить природные богатства Сахалина. А ещё узнаете о народах острова айнах, нивхах, ороках, которые в большинстве своём прилагали усилия по освобождению острова от гнёта японцев. Если кратко, то эта повесть о захвате японцами Южного Сахалина в 1905 году, оккупация ими Северного Сахалина в 1920 году и освобождение острова Красной армией в 1945 году. И конечно, эта книга про любовь айнской красавицы и двух совершенно различных каторжан.

© Надысев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Часть первая. Захват Южного Сахалина	6
Глава 1. Гостеприимство	6
Глава 2. Чухсамма	9
Глава 3. Свадьба	11
Глава 4. Крейсер «Новик»	13
Глава 5. Защита крейсера	14
Глава 6. Вынужденный отъезд	17
Глава 7. Братья Пилсудские	19
Глава 8. Агент Акаси	20
Глава 9. Деньги на диверсии	21
Глава 10. Подготовка к обороне	23
Глава 11. Переговоры	25
Глава 12. Офицеры	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Надысев

Скалы у чёрной реки

От автора

История Сахалина волновала меня давно, ведь этот таинственный остров имел несчастье переходить из рук в руки – то принадлежал России, то Японии и, наконец, стал мрачным местом царской каторги. А когда я узнал о забытых героях, защищавших этот остров от нападения японцев, и успешных действиях одного из партизанских отрядов под командованием капитана Василия Быкова, то сразу решил написать книгу, назвав её «Скалы у чёрной реки». В этой повести я постарался в популярной форме изложить исторические события, развернувшиеся на Дальнем Востоке в начале XX века, и осветить роль защитников острова Сахалин в трагической ситуации, полной патриотизма и предательства. На мой взгляд, капитан Быков настоящий герой, сумевший со своими дружинниками, бывшими каторжниками, устраивая засады, нещадно бить японцев, при этом преодолевая невероятные трудности в горах и таёжных дебрях острова. Узнав о предательстве командующего войсками острова, капитан Быков не стал сдаваться в плен, а сумел вывести свой отряд из окружения японцев с острова Сахалин на материк в город Николаевск.

Если взглянуть в дымку исторических событий, сколько же неизвестных героев своего времени забыла история – не перечить, а нам потомкам нужно помнить о капитане Василии Быкове и чтить его!

С уважением Александр Надысев

Часть первая. Захват Южного Сахалина

Глава 1. Гостеприимство

Середина июля 1902 года. На восточном побережье острова Сахалина¹ появился усталый путник. Он шёл и восхищался суровыми скалами, поднимающимися прямо от побережья, припоминая, что этот остров айны называли «Трепун-мосири» – окружённая морем земля. Так путник пробирался по берегу среди камней и вдруг заметил небольшое айновское селение, состоящее из разбросанных хижин с крышами, покрытыми тростником, и прочих строений. Приблизившись, он приметил бревенчатый дом. «Наконец-то нашёл!» – подумал путник и направился к нему – навстречу своей судьбе.

И путник не ошибся, его уже в окне встречали любопытные глаза незнакомки, ещё мгновение и они исчезли. Дверь открылась, и на пороге дома появился коренастый очень бородастый айн. Он был одет в длинное кимоно с чёрно-голубыми узорами и с огромной копной нечесанных волос на голове. Его взгляд остановился на фигуре пришельца в широкополой шляпе, а тот устало шёл навстречу ему и широко улыбался. «Кто такой этот незнакомец? – подумал староста и вдруг расплылся в улыбке.

– Прошу тебя, путник, ко мне в дом, – гостеприимно приглашал он.

– Почту за честь, – услышал он по айнски.

Староста с удивлением посмотрел на гостя и жестом пригласил его.

Усадив гостя перед очагом, староста опустил на циновку и стал гладить свои длинные волосы и чёрную блестящую бороду. Затем он произнёс айновское приветствие «каракты» и стал тереть сложенные ладони одна о другую.

«Ну, совсем как для молитвы», – подумал гость и стал делать тоже самое. Он тёр свою бороду и рассматривал хозяина. А тот спросил:

¹ Сахалин – название острова происходит от маньчжурского *Сахалин-Ула-Ангга-Хада*, что в переводе означает «Скалы чёрной реки», где под «чёрной рекой» – *Сахалин-Улла* – подразумевается река Амур.

– Как тебя зовут и откуда ты?

И растягивая слова, он добавил:

– Чем ты живёшь?

– Я поляк, Бронислав Пилсудский, – ответил путник, немного путаясь в айнском наречии.

– А ты?

– Моё имя Кимура Бафунке, я староста в селении Ай-котан.

Пилсудский обрадовался и подумал: «Удачно я попал к этому айну, мне говорили, что этот Бафунке главнейший из всех айнских старост, авторитет которого распространяется на весь остров Сахалин. Сказывали, он богат и арендует рыбный промысел, поэтому и имеет лучший на всём берегу русский дом. Вот, здесь я и начну по-настоящему исследовать айнов!»

– Так чем ты занимаешься? – повторил свой вопрос староста.

– Я изучаю быт и нравы народов Сахалина, – улыбнулся Пилсудский. – Может, ты расскажешь мне о своём народе?

– Садись у очага поудобнее, пан Пилсудский, – загадочно улыбнулся Кимура Бафунке. – У нас на острове много заключённых поляков и все они паны. Они сидят по тюрьмам и бренчат кандалами.

Он пронзил глазами гостя:

– А ты ведь сбежавший узник? Вот только, где шляпу достал?

– Ты прав, – растерялся Пилсудский, – но отчасти.

– Неужели?

– Буду с тобой честен, – ответил Пилсудский, понимая, что с ним беседует умный и очень проницательный человек. – Я учился в Петербургском университете, и за участие в покушении на императора был осуждён на смертную казнь. Государь смиловался, заменил казнь на 15 лет каторжных работ... и отправил на остров Сахалин. В 1896 году меня послали на юг Сахалина для создания метеорологических станций на посту Корсаковский и в Галкино-Враское, а так же велели пополнить сведения об айнах. Государь решил, чтобы я не просто отбывал каторгу, а ещё и приносил какую-то пользу науке. Ха, ха!

– Так я и подумал, – рассмеялся староста. – Я много повидал каторжников, но только ты не очень похож на бежавшего узника.

– Проницательный ты человек, – рассмеялся Бронислав Пилсудский. – Ладно, расскажу. После царской каторги меня перевели в разряд ссыльных поселенцев, а затем я уже работал в музее Общества изучения Амурского края вплоть до 1901 года. Побывав на острове Иессо², я мечтал вернуться на остров Сахалин для изучения айнов, нивхов, ороков и меня стали готовить к этой деятельности.

– А что потом?

– Мне повезло! – продолжал Пилсудский. – В 1902-ом году я по заданию Российской Академии наук на пароходе «Зея» был послан из Владивостока на Южный Сахалин. Меня направили для сбора этнографических коллекций предметов быта местных айнов для Петербургского музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. В июле я без приключений прибыл на пост Корсаковский и сразу отправился на восточный охотский берег острова, где к счастью своему, нашёл ваше поселение Ай-котан.

Хозяин, причмокивая губами, остался доволен. Он быстренько справился о здоровье, о семье, потом кашлянул трижды и крикнул:

– Синкэ, ты скоро?

Мгновенно появилась девушка лет 20-ти, которую Бронислав узнал по глазам, встречавшим его совсем недавно. Он улыбнулся ей, как хорошей знакомой, а она смутилась и отвела

² Иессо – остров Хоккайдо

глаза. Тут она спохватилась и, поставив поднос с напитками и сушёной рыбой, исчезла за занавеской.

– Прощу, – предложил староста и заулыбался. – Что, понравилась Чухсамма? Это моя племянница, и я называю её ласково – Синкэ. Но ты не очень-то заглядывайся, у неё есть жених Отани Кумакочи.

Пилсудский сидел на циновке и, положив свои припасы на поднос, стал разглядывать обстановку жилища. Он, жуя рыбу, задумался и спросил:

– Почему твоё имя японское?

– Так они заставили, – оглядываясь, осёкся староста. – И более того, японцы сгоняли нас, айнов, в города.

– Ведь неплохо жить вместе, друг другу легче помогать, – удивился гость.

– Наши предки жили на природе, и мы будем, – вскочил староста и добавил. – С приходом русских нам жить стало свободнее, но Белый царь превратил Сахалин в большую каторгу. Заключение убегает из тюрем, безобразничают и разоряют наши жилища. Так что, если поразмыслить, с японцами нам даже было лучше, хотя они навязывали нам свою культуру и язык.

– Каторгу я испытал на себе! – вздохнул Пилсудский и неожиданно спросил:

– Могу переночевать у тебя?

– Конечно, ты мне понравился, – ответил староста. – У меня места хватает, так что можешь и погостить.

Глава 2. Чухсамма

Утром после чаепития староста с гордостью показывал Пилсудскому удочки для ловли рыбы, длинные шесты и прочее своё хозяйство. Затем он повёл гостя по селению, объясняя, зачем кладовые построены на столбах.

– Знаю, от крыс мышей и лис, – рассмеялся Пилсудский.

А староста ему пояснил:

– Раньше мы строили и жилище на столбах, но больно холодно.

И увидев, как оглядывается гость, на высунувшуюся племянницу, поторопил его:

– Идём, идём на море.

Они пошли по берегу моря, на ходу разговаривая, а староста, заметив увлечённость гостя племянницей, расплылся в улыбке и доверительно поведал ему:

– Моя племянница Чухсамма отличается от деревенских сверстниц умом и красотой, а молодые айну называют её не иначе, как Синкэ – «пилька-мэнлко», это значит девушка-красавица.

Пилсудский густо покраснел и заметил:

– Очень красивая девушка, и она мне приглянулась!

– Так женись на ней, раз нравится, – заулыбался староста.

– А как же жених? – заволновался Пилсудский.

– Уладим, – уже серьёзно ответил староста, – если сама Чухсамма согласится.

Так они шли не торопясь, и обсуждали, что получит будущий тесть. И вдруг Пилсудский заметил невдалеке на побережье моря лодки и увидел нечто похожее на изваяние из веток.

– Что это?

– Это «нус Камуи» – морской бог, – поспешил объяснить ему староста.

– А там, – вскричал Пилсудский, – смотри, ещё целый ряд жердей из вербы или ольхи что ли, в высоту человеческого роста, и вижу, как они остро заточены и украшены локонами, похоже, из стружки вербы. Это «инау»?

Староста, согласившись, мотнул головой, и они пошли по песчаной косе дальше, а за ними устремились осмелевшие мальчишки. Когда они подошли к одной из лодок, то на её корме Пилсудский заметил прикрепленные локоны «инау».

– Да это, как дорожное божество, что ли? – рассмеялся Пилсудский.

– Без разрешения богов мы не уходим в море, – подтвердил староста.

И они не спеша вернулись. Чухсамма, стояла в дверях и, увидев Пилсудского, ни на шаг не сдвинулась. И только теперь, когда гость приблизился к ней, то ахнул, увидев её чёрные с оленьим разрезом глаза. «Какие они бездонные, как звёздное небо» – не мог опомниться гость. А её правая рука поднялась вверх и, погладив волосы, провела ею под губами, затем рука пробежала вдоль плеча к опущенной левой руке, и Чухсамма выдохнула приветствие: «Каракты». Пилсудский тоже приветствовал её троекратным потиранием рук и глажением своей бороды и произнёс: «Каракты». Совсем скоро Чухсамма освоилась, заулыбалась и уже называла его по имени. Наконец, они разговорились, и Чухсамма уже без смущения рассказывала гостю о себе и о своих радостях.

– Какая же ты чудесная девушка, – слушая её, умилялся Пилсудский, – и как мне с тобой хорошо и спокойно!

– А я просто счастлива с тобой, – улыбалась Чухсамма, – но чувствую, что тебя что-то тревожит?

– Да, Чухсамма, – смутился Пилсудский, – мне нужно уехать.

– Надолго ли?

– Скоро вернусь, здесь недалеко, – ответил Пилсудский, – я обещал посетить медвежий праздник в селениях Отосан и Серароко, это на взморье.

– А я? Можно...

– Не пушу, – вдруг услышала она голос дядюшки, который оказался рядом. – Негоже девице там быть.

– Не огорчайся, Чухсамма, – утешал её Пилсудский, – я через две недели вернусь.

Глава 3. Свадьба

В начале октября 1902-го года Бронислав Пилсудский вернулся в селение Ай-котан и сразу попал в объятия Чухсаммы, но заметив своего дядюшку, старосту Бафунке, она смутилась и исчезла за занавеской. Пилсудский поздоровался по-айнски и за чашкой чая стал рассказывать старосте о медвежьем празднике и о том, как собирал этнографические вещи, подаренные айнами. Они долго беседовали о жизни, местных обрядах и староста Бафунке спросил:

– Какие у тебя планы?

– Мне нужно отправить этнографические вещи, в августе собранные у айнов селения Маука³ на юге-западном побережье, и вещицы села Серароко, недавно собранные на медвежьем празднике.

– Каким же образом?

– На пароходе Добровольного флота «Ярославль», – ответил Пилсудский, – он отходит 20 октября из Корсаковского поста.

– Ну, это ещё не скоро, – ответил староста и хитро заулыбался. – Успеешь ты во все места! А тебя так ждала Чухсамма, все глаза проглядела.

Не прошло и нескольких дней, как староста объявил Пилсудскому, что Чухсамма влюбилась в него и согласна выйти замуж.

Пилсудский был счастлив, а староста объявил:

– С утра идём на охоту – за соболем, а через два дня свадьба.

– Раз надо, значит пойдём, – согласился Бронислав, не понимая, зачем.

Свадьба прошла со всеми ритуалами, связанными с почитанием духов и семьи. Сначала айны окуривали дымом молодожёнов, затем кормили огонь, бросая в костёр лучшие куски жира, в обмен на просьбы к богам о здоровье и удаче. Потом повязывали лоскутки на священное дерево, прося у духов леса долголетия и счастья, а далее ритуальные танцы, так называемое «Ёхорье». Невеста показывала своё рукоделие, а жених подарил ей связку соболей.

«Вот почему нужно было спешно охотиться», – только сейчас понял Бронислав.

Новобрачная тем временем дарила айнам обереги, расшитые бисером, а они с криками обмазали лбы молодожёнов сажей из священного костра и плясали. На этом всё закончилось, и под крики айнов счастливые молодожёны скрылись в доме старосты.

Пилсудский мечтал открыть школу для айнов, и пошёл к начальнику Корсаковской тюрьмы просить денег. Тот упирался, как мог, но всё же согласился и выделил тысячу рублей на строительство школы. Пилсудский построив её, стал первым директором и первым учителем айнов. Чухсамма уговорила дядю, и вначале училась грамоте в этой школе, а позже сама могла обучать детей простой арифметике и сносно говорить по-русски. Айны боготворили её и хвастались:

– Теперь скупщики рыбы не обманут нас, мы грамотные!

Айны восхищались паном Пилсудским и звали его, не иначе, как отцом. Они чтили его за то, что он учил их читать и писать, а так же помогал им в море, научил их по-новому строить дома из брёвен и вообще помогал им по хозяйству, а они дарили свою любовь и старинные вещи своих предков.

У Пилсудского родился мальчик Сукэдзо, в котором он души не чаял. Чухсамма была так счастлива, что их жизнь стала предметом зависти многих айнов. Особенно, страдал её бывший жених Отани Кумакочи, хотя часто приходил за советом к Пилсудскому а, уходя, заглядывался на его жену.

³ Маука – ныне город Хомск

«Я всё равно добьюсь тебя! О, моя Чухсамма!» – терзал он себя, а староста, провожая его, только качал головой. – Иди, иди.

И вдруг староста Бафунке с тоской поглядел на счастливую пару:

– А война то уже на пороге!

Глава 4. Крейсер «Новик»

На диких берегах острова Сахалин мирно дремали айньские селения, не зная, что разразилась Русско-японская война, отголоски которой уже докатились и до их берегов.

7 августа 1904 года, в 6 часов утра, в заливе Анива острова Сахалина появился русский бронепалубный крейсер «Новик». Он прибыл в Корсаковский пост для пополнения запасов угля, но случилось непредвиденное. Вечером при выходе из залива, «Новик» неожиданно столкнулся с японским крейсером «Читосе». Несмотря на явное превосходство противника в вооружении, российский крейсер вступил в бой, сделал ему пробоину, сам пострадал, но заставил японский крейсер отступить. Японцы радовались, что потрепали русский корабль, а находившийся на его борту японский принц Ерихито ликовал больше всех:

– За этот геройский бой мне памятник положен. Хи, хи!

А вот крейсеру «Новик», из-за серьезных повреждений корпуса, пришлось вернуться в Корсаковский порт. Посоветовавшись с экипажем, командир крейсера, капитан 2-го ранга фон Шульц решил затопить крейсер на рейде, чтобы не достался врагу. По приказу командования большинство команды «Новика» с командиром отправилось на материк через Николаевск во Владивосток, а оставшиеся члены экипажа, во главе с мичманом Александром Максимовым, стали соображать, как снять ценное оборудование и орудия с крейсера для устройства береговой батареи в Корсаковском посту. И придумали, для этого моряки соорудили плавучий кран, состоявший из стрелы с ручной лебедкой, и после его испытания приступили к работам. Сначала матросы достали водолазный аппарат и шлем с затопленной верхней палубы «Новика» и испытали. Затем нашли во внутренних помещениях крейсера две изношенные водолазные рубашки и приступили к работе, но те быстро изорвались, и все подводные работы пришлось прекратить. Демонтаж орудий с крейсера не прекращался, и уже 22 августа мичман Максимов смог отправить на позицию в районе деревни Соловьевки четыре 47-мм. орудия и сдать на хранение замки всех 120-мм. орудий, 47 ящиков винтовочных патронов, а так же штандарты и кормовые флаги крейсера «Новик». Мичман Максимов понимал, что японцы обязательно нападут на остров Сахалин и предложил оставить его вместе с отрядом моряков на острове. И его, конечно, оставили, назначив охранять пост Корсаковский и своими орудиями не допустить высадки вражеского десанта. Тогда 30-летний мичман Александр Прокофьевич Максимов, выставив наблюдателей на соседние сопки, записал в вахтенном журнале:

«Сего числа в 7 часов 5 минут экипаж крейсера капитана II ранга фон Шульца «Новик» в числе 7 офицеров и 264 нижних чинов под командой лейтенанта Порембского выступил в селение Мицунька для следования во Владивосток. Под моей командой остался инженер-механик Пото, 28 человек нижних чинов, 14 человек больных и раненых в госпитале села Владимировка. Август 1904 года».

Глава 5. Защита крейсера

Утром 24 августа наблюдатель Корсаковского поста закричал:

– На горизонте два пароходных дыма!

Мичман Александр Максимов со своей командой поспешил в горы. Вооруженные винтовками с прицельной дальностью 2000 шагов, матросы стали занимать позицию на одной из сопок, с которой можно было продольно обстреливать корпус крейсера «Новик», торчащий из воды. Вскоре прибыли дружинники, бывшие каторжники, под командой полковника Арцишевского и заняли позицию на Маячной горе.

Тем временем в заливе появились японские военные транспорты, которые встали на якоря в 5 милях от Корсаковского поста и спустили на воду два паровых катера. Подойдя к полузатопленному корпусу «Новика», японцы с катеров открыли ружейный огонь по крейсеру.

– Чего это они палят?

– Увидим, – ответил Максимов.

Один из катеров осмелился и причалил к баку с правого борта крейсера, а другой катер – в районе средней машины с левого борта. Максимов разглядел в подзорную трубу, как японский офицер и два матроса взойшли на мостик «Новика» и стали рассматривать берег. И вдруг закричал:

– С десятков десантников, раздевшись, рассыпались по надводной части палубы и, похоже, начали минировать крейсер. К бою!

Установив винтовочный прицел на 1600 шагов, матросы «Новика», почти одновременно с местной командой Арцишевского, дружно дали залп.

Транспорты сразу ошестинились орудиями, подняли флаги и приготовились к бою, а с катеров японцы открыли беспорядочную ружейную стрельбу. Защитники крейсера дали второй залп, и несколько японцев свалилось с одного катера, после чего оба катера задним ходом вышли из зоны обстрела и поспешили к транспортам. Те, пытаясь чёрным дымом, подняли на борт катера и через два часа скрылись за горизонтом.

– Что это было?

– Хотели добить наш крейсер.

Вечером айны, продавая рыбу морякам, рассказали:

– Видели, как японцы после боя поднимали с лодок шестерых раненых и тела троих убитых.

– Хорошо постреляли! – смеялись матросы.

Агентство Рейтер из Токио отрицало нападение на затопленный крейсер, а их корреспонденты, как всегда, врал:

«...эта экспедиция была организована военным командованием для ознакомления положения русского крейсера «Новик», носила вполне мирный характер и лишь установила, что крейсер выбросился на берег в 450 сажнях от Корсаковского маяка».

Сразу после ухода японских транспортов моряки «Новика» направились на свой крейсер. Инженер-механик Пото, надев водолазный костюм, спустился во вторую кочегарку и с трудом извлек оттуда 3-пудовую мину, провода которой японцы вывели на палубу. А мичман Максимов с матросами вытащили из первой кочегарки, носовой части верхней палубы, средней машины и кают-компаний еще четыре мины. Единственно, что они нашли на палубе ценного, так это в спешке брошенную японскую винтовку.

– Пригодится, – заулыбался Максимов, передёрнув затвором.

* * *

Но японцы не успокоились, и через неделю предприняли еще одну попытку диверсии. Вечером 1 сентября береговые наблюдатели заметили на полу затопленном крейсере какой-то огонь. Мичман Максимов с несколькими матросами на паровом катере немедленно подошли к крейсеру. Уже темнело, но им удалось обнаружить неизвестную шлюпку. Стали стрелять, но захватить диверсантов матросам не удалось.

– Эх, улизнули, бестии!

– Воспользовались темнотой, гады, и скрылись за мысом, – досадовал Максимов.

Почти два месяца в заливе бушевал шторм, и только во время редких штилей команда «Новика» могла поработать. За это время моряки сняли с крейсера всю артиллерию, семь торпед, пятьдесят шесть ящиков патронов, якоря, шлюпбалки, оружейные щиты и станки с тумбами, всевозможные инструменты, тенты, брезенты и сигнальные флаги, и даже всю столовую посуду команды. Все это имущество вместе с кормовыми флагами матросы зарыли в землю рядом с пристанью у хлебных амбаров. И на всякий случай, на берегу они установили два 120-мм. и два 47-мм. орудия для защиты затопленного крейсера.

В конце сентября пришел приказ:

«...отряд мичмана Максимова оставить на Сахалине до весны и поступить в распоряжении генерал-лейтенанта Ляпунова для усиления обороны острова».

Не все моряки были довольны, но приказ не подлежал обсуждению. Вскоре пришёл транспорт «Уссури» и, по приказу командования, забрал на материк инженер-механика Пото. Максимов был так огорчён, что потерял такого дельного помощника, что даже не обрадовался, когда получил телеграмму:

«...мичман А. П. Максимов за боевую службу на «Новике» в составе порт-артурской эскадры удостоен орденов Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость»».

Дни шли за днями. Готовясь к боям, новиковцы провели успешную стрельбу из орудий по установленным буйкам. Установили в акватории Корсаковского поста в пяти милях от берега фиктивное минное заграждение, а на берегу убрали створные знаки и поставили ложные. Матросы радовались:

– В общем, мы приготовились к приходу «гостей».

– Пусть только явятся – мы их будем принимать по-русски!

А Максимов с тревогой думал: «Слишком мало орудий и если японцы сильно навалятся, то нам несдобровать».

Когда залив покрылся льдом, все работы на крейсере прекратились, и мичман Максимов с почтой послал в Петербург отчёт с вахтенным журналом о действиях отряда, приложив около 20-ти фотографий, сделанных кондуктором Овчинниковым с отображением всех выполненных работ. К отчёту Максимов добавил:

«Спасен крейсер от взрыва, а также хорошо выполнены все работы по крейсеру и установке орудий на берегу благодаря прекрасному составу команды... Все здоровы и жаждем сразиться с неприятелем».

Начальник Главного морского ведомства штаб-адмирал Вирениус перед докладом императору Николаю II сделал на отчете Максимова пометку:

«Чрезвычайно интересное донесение и вахтенный журнал рекомендуют мичмана Максимова с лучшей стороны... Свидетельствую о прекрасном составе команды».

Во время его доклада император особенно увлёкся photographиями, присланными с Сахалина. Он рассматривал фото и говорил:

– Какие же молодцы матросы крейсера «Новик»! А каков мичман Максимов? Герой! Зима в Корсаковском посту прошла в напряженной подготовке к будущим боям.

По предложению генерала Ляпунова для зимних боев два 47-мм орудия даже установили на сани, в упряжке двух коней. Их испытания показали, что откат при выстреле не превышал одного шага. Остальные 47-мм орудия установили на колесные лафеты и передали отряду Арцишевского.

Весной в Корсаковский пост пришёл транспорт «Уссури», который вёз боеприпасы в осажденный Порт-Артур. Заправившись углем, он вышел в море, но вскоре был вынужден вернуться из-за поломки в машине. С транспорта сняли четыре пулемета, которые оказались без лент.

– Ну и ну, – подивились матросы, а Максимов спросил. – Где ленты к ним?

– Нет в наличии.

– Как это, нет? – раскричался Максимов. – Вот сволочи! Стащили что ли?

А матросы успокоили расстроенного командира:

– Пулемёты, это хорошо, а ленты мы сами изготовим.

И пришлось новиковцам самим сшивать 50 лент из солнечного тента крейсера. К пулеметам изготовили «передки», и вся команда «Новика», а также офицеры корсаковского гарнизона стали обучаться стрельбе из них. А грозные раскаты войны уже приближались к острову Сахалин, и все ждали, но по-разному – кто с опаской, а кто с нетерпением.

Глава 6. Вынужденный отъезд

Весна 1905-го года не очень радовала Бронеслава Пилсудского, так как до него доходили смутные сведения, что война с японцами началась не совсем удачно, но больше всего его волновали события в Польше. С материка его брат прислал телеграмму, из которой он узнал, что Россия проигрывает войну с японцами. Он писал о падении Порт-Артура, о неминуемом восстании в Польше и настаивал прибыть в Краков.

– Ехать к брату помочь в восстании или остаться? – метался Бронеслав ночью. – Ехать в Польшу или нет? Кроме того, у меня дела в Николаевске. Нет, я сойду с ума!

Наконец, он решился:

– Да, ехать!

И в ту же ночь он рассказал всё старосте Бафунке и попросил разрешения взять с собой в Польшу свою семью.

Бафунке вскочил и в категорической форме отказал.

– Это позор перед всеми айнами – отправиться с семьёй на чужбину! – кричал он.

Заспанная Синкэ тоже стала умолять дядю, но тот был непреклонен. Тогда Пилсудский стал успокаивать жену и пообещал:

– Я приеду за вами, только береги себя и сына!

На следующий день, а день был для всех айнов очень печальным, Пилсудского провожали все его воспитанники. А он сел на нарты и, еле сдерживая щемящую боль в груди, повторял:

– Жди, Синкэ, я приеду!

Нарты тронулись, а он всё кричал:

– Приеду... жди...

Синкэ с плачем бросилась за ним, но упряжка с десятком собак быстро скрылась за поворотом в снежном буране.

Так в апреле 1905 года Бронислав Осипович Пилсудский, предчувствуя, что огонь войны совсем близко, выехал из селения Ай-котан на север острова. Его путь пролегал через села Отосан, Могунтан и Найеро в пост Тихменевский и далее в селение Оноры, куда прибыл в конце апреля. Здесь он, из-за непогоды задержался, собирал бытовые предметы айнов, а затем выехал в селение Рыковское, где работал с рукописями. Оттуда Пилсудский переехал в селение Дербинское, в котором пробыл до конца мая, работая с учёным Безайсом с гербарными образцами растений. Айны ему дружно помогали и приносили всё новые и новые свои вещи. Пилсудский же дарил им фотографии, они радовались, как дети, и показывали всем какие они красивые. Далее он отправился в пост Александровский, а 11 июня на катере «Владивосток» прибыл в Николаевск. Здесь Пилсудский решил, прежде всего, привести в порядок свои разрозненные рукописи. А занимался он многим: изучением айнов, нивхов, ороков, делал уникальные записи на восковых валиках речи айнов и их песен, составил словари из свыше 10-ти тысяч слов айнского языка и 6-ти тысяч слов нивхского языка, запечатлел на фотографиях типажи аборигенов острова Сахалин, и всё это для отчёта перед учёными Академии наук. Но это далеко не всё, чем занимался Бронислав Пилсудский...

На следующий день он отложил свою научную работу, тяжело вздохнул и отправился в Особый отдел Департамента полиции Министерства Внутренних Дел, прихватив с собой толстенную книгу. В приёмной начальника собралось много народа, но секретарь пригласил его первым.

– Господин Бронислав Пилсудский, что нового на острове? – сразу спросил его начальник отдела Макаров.

Пилсудский положил на стол рапорт и стал выжидать.

– Доложите обстановку на Сахалине, – рыкнул начальник и расплылся в ехидной улыбке.
– Не зря же мы вам дали статус ссыльнопоселенца, да ещё разрешили свободно путешествовать по острову, собирать растения и сведения об аборигенах острова. Ха, ха, ха!

Пилсудского передёрнуло, но он, еле сдерживаясь, ответил:

– Да, мне пришлось сотрудничать с охранкой, но я прошу обращаться со мной, как с известным учёным.

– Хорошо, хорошо, – скривился Макаров, – тогда поведуйте нам об айнах, их нравах и отношении к России.

Тогда Пилсудский вскипел:

– В рапорте я указал, что айны недовольны русскими, потому что Сахалин они превратили в каторгу, им при японцах жилось на сладко, но лучше, чем с русскими каторжанами.

– Это временно, – сморщился Макаров и, посмотрев на своего заместителя Зубатова, велел. – Займись рапортом этого учёного и завтра будем разбираться.

Зубатов взял рапорт и ушёл, а Пилсудский тихо проговорил:

– Имею сведения особой важности.

– Слушаю.

Пилсудский, молча, снял с книги кожаную обложку, достал листочек бумаги и протянул начальнику. Макаров прочитал:

«Летом 1905 года японцы нападут с юга на остров Сахалин».

– Откуда сведения?

– От моего друга Тародзи. – ответил Пилсудский. – Доставлено из Японии пароходом «Ярославль» Добровольного флота.

– Другое дело, господин учёный, – рассмеялся начальник. – Теперь можете заниматься чем угодно, и мы вас не задерживаем! Да, да, и продолжайте работать по поручению Академии наук и Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Ха, ха, ха!

А сам подумал: «Этот Пилсудский не прост, надобно за ним приглядеть!»

Глава 7. Братья Пилсудские

Если заглянуть в прошлое Бронислава Пилсудского, то можно только удивляться его появлению у айнов, да ещё в качестве учёного-исследователя свободно путешествующего по острову Сахалин. Так что, заглянем?

Бронислав Пилсудский учился в Виленской гимназии, и уже в 1882 году вместе с братом Йозефом основал патриотический кружок самообразования, занимавшийся доставкой из Варшавы польских книг, в том числе социалистических и естественнонаучных изданий. В 1886 году он выехал в Санкт-Петербург и, поступив на юридический факультет университета, сразу вступил в террористическую партию «Народная воля», и стал участвовать в подготовке покушения на императора Александра III.

Его брат Йозеф Пилсудский тоже отучился в Вильно, затем поступил в Харьковский медицинский университет и на первом курсе примкнул к террористам «Народной Воли». В 1887 году его со старшим братом Брониславом арестовали за подготовку убийства императора Александра III. Кстати, арестовали братьев вместе со старшим братом Ленина. Если Александра Ульянова казнили, то братьев-поляков царь пощадил – Йозефа отправил в сибирскую ссылку, а Бронислава, вместо виселицы, на 15 лет каторги упрятал на Сахалин.

Отбыв ссылку, Йозеф Пилсудский в 1892 году вернулся в Польшу и сразу вступил в Польскую партию социалистов, в которой под марксистской окраской скрывался ярый национализм. Уже в ходе русско-японской войны Йозеф Пилсудский пытался выйти на японское посольство и просить денег на создание польских легионов. И уже тогда партия социалистов-националистов сообщала японцам маршруты русских войск и пустила под откос пару русских эшелонов в Польшу. Вот такой был брат Бронислава Пилсудского, к которому он стремился, чтобы помочь поднять восстание в Польше, бросив свою семью. В общем, братья стояли друг друга, хотя Бронислав не жаждал крови, и похоже он был агентом не только русской разведки, но и...

Глава 8. Агент Акаси

Транссибирская магистраль, открытие которой так ждали, наконец, была построена. Ура! С её открытием активизировалась торговля, и сразу Санкт-Петербург и Владивосток заполнили азиатские дельцы. Под видом коммерческих контор японские военные топографы уже шныряли повсюду. Они скрупулезно собирали информацию для возможной оккупации Дальнего Востока, и всё это под носом российской полиции.

Осенью 1902 года в Петербурге появился новый военный атташе – полковник Мотодзиро Акаси. Этот японец был не просто дипломатом и потомственным самураем, но и профессиональным разведчиком. Про него говорили: «Он один стоит целой армии».

С началом русско-японской войны, а именно, в феврале 1904-го года, он был назначен военным атташе в Стокгольме, и свободно ездил по всей Европе, собирая информацию. Через Акаси и его Военную миссию финансировались российские революционеры, а так же финские, польские и кавказские сепаратисты. В июле 1904 года Акаси встречался в Женеве с Плехановым и Лениным, и предусмотрительно финансировал проведение Парижской и Женевской конференций российских оппозиционных партий.

Во время русской революции 1905 года японский агент Акаси развил бурную подрывную деятельность против российского самодержавия и финансировал проведение русской революции в Петербурге и в Москве, снабжая революционеров контрабандным оружием.

В марте 1904-го во время начавшейся Русско-японской войны, японский агент Акаси приехал в Краков, относящийся тогда к Австрии, где встретился с Романом Дмовским, членом Тайного совета Лиги Народовой, провозгласившей своей целью «воссоздание свободной Польши». Дмовский получил от Акаси рекомендательные письма к руководителям японского генштаба и разведки и в мае отбыл в Токио, где мечтал договариваться о формах будущего сотрудничества.

Агент охранного отделения департамента полиции российского Министерства Внутренних Дел, Мануйлов, следивший за границей за дипломатом Акаси, доносил начальству:

«Японское правительство при помощи своего агента Акаси дало 15,3 тыс. фунтов стерлингов, то есть 382,5 тыс. франков на приобретение 14,5 тыс. ружей различным революционным группам. Кроме того, им выдано 4 тыс. фунтов (100 тыс. франков) социалистам-революционерам и столько же на приобретение яхты с содержанием экипажа. Террорист Дмовский убыл в Токио».

– Продолжайте следить, – было велено ему.

И тот расстарался:

«Всего в ходе войны японское правительство передало различным революционным организациям в России не менее 1 млн. иен».

Глава 9. Деньги на диверсии

В середине мая 1904 года, Дмовский, под видом военного корреспондента, прибыл в Токио и поселился в гостинице «Метрополь». Уже в конце мая в токийском МИДе он встретился с генералом Кодама Гэнтаро. Беседа была непростой, и велась она с переводчиком. Японский генерал слушал яркое выступление Дмовского и думал:

«Японская армия на севере Кореи пленила всего-то 60 поляков, а этот Дмовский хочет этих пленных собратьев обратить против русского царя? Смешно, да и только!»

Несмотря на болтовню поляка, генерал Кодама продолжал беседу и, полагаясь на свою разведку, лелеял надежду как-то улучшить положением дел на театре войны.

Наконец, генералу надоело выслушивать поляка, и он прямо спросил:

– Что вы хотите?

– Во-первых, – затараторил Дмовский, – улучшить бытовые условия содержания в японских лагерях польских военнопленных.

– А во-вторых? – ухмыльнулся генерал.

– У меня имеется пропагандистский план, который я предложу пленным полякам, с целью разложения русской армии и свержения царизма в России.

– Понятно, – ухмыльнулся генерал и вдруг взревел. – Тогда слушайте меня! Приказываю вам сочинить пропагандистские памфлеты не только для поляков, но и для других «инородцев» в составе русской армии. Понятно?

– А поляки... – не договорил Дмовский.

– Деньги вы получите, – перебил его японец. – Свободны!

8 июля в Токио, на проспекте Гиндза, Дмовский вдруг столкнулся с Йозефом Пилсудским, о приезде которого в Японию он даже не подозревал. Оба сильно удивлённые, договорились о встрече на следующий день. В уютном кафе они спорили о проблеме вооруженного восстания в Польше и тактике Лиги Народовой. Они долго «бились друг об друга», но к общему соглашению так и не пришли.

13-го июля, Йозеф Пилсудский представил в японский МИД свою записку, в которой выступил с идеей негласного союза проведения вооруженного восстания оппозиционных сил Польши, с одной стороны, и Японией – с другой. А финансирование этого мероприятия предлагал возложить на Японию.

Роман Дмовский, лидер Лиги Народовой, 20 июля направил в японский МИД свой собственный меморандум, в котором отверг идею вооруженного восстания в Польше, считая его преждевременным. Он считал, что лучше поддерживать на территории Царства Польского взрывоопасную обстановку, которая удерживала бы царское правительство от отправки войск на Дальний Восток.

Генерал Кодама, ознакомившись с мыслями поляков, отправил их на заключение в Генштаб и руководству своего министерства. И вскоре он «обрадовал» Пилсудского:

– Токио отказывается субсидировать вооруженное восстание в Польше.

Заметив некоторую растерянность поляка, он утешил его:

– Получите субсидию в 20 тысяч фунтов стерлингов у посланника Хаяси на проведение пропаганды польскими солдатами в русской армии и диверсий в её тылу. Понятно? Ждите дальнейших указаний.

Японское правительство пока еще пугала перспектива субсидировать сомнительные начинания малоизвестных европейских деятелей, действующих на краю света. Однако со временем обстоятельства, которые стали иными, и отношение к идее агента Акаси «подогреть» российскую революцию изменилось.

А обиженный Йозеф Пилсудский, закрывшись в номере краковской гостиницы, пил вино и упрямо твердил: «Я всё равно соберу отряды боевиков, привлеку всех революционеров и освобожу Польшу от русского царя». Поразмыслив, он вспомнил о брате. «Напишу-ка я ему письмецо, – обрадовался Йозиф. – Пусть и Бронислав поможет восстанию, ведь у него много друзей революционеров, сподвижников Александра Ульянова, а весточку ему доставят на пароходе Добровольного флота «Ярославль».

И он написал письмо своему брату Брониславу Пилсудскому и отправил его по своим каналам в Николаев.

Глава 10. Подготовка к обороне

Пожалуй, достаточно про братьев Пилсудских, а теперь вернёмся на остров Сахалин. Так вот, ещё в мае 1903-го года Военный министр России генерал Алексей Николаевич Куропаткин посетил Сахалин и сразу после бани собрал военный совет.

– Господа, – начал он, – я не беру на себя смелость осуждать царскую власть за то, что она не позаботилась о защите Сахалина. Ведь Санкт-Петербургский договор, согласно которому Сахалин полностью перешёл к Российской империи, был заключён в 1875 году. С тех пор прошло тридцать лет, а остров Сахалин не укреплялся, и его редкие военные посты закладывались с величайшими трудностями. А тут японцы на границах... Соображаете?

Он обвёл своим взглядом присутствующих и продолжил:

– А потому, господа, военное командование не считает Сахалин стратегически важным на дальневосточном театре военных действий и полагает его оборону непосильной для войск Приамурья. И поэтому...

Тут Куропаткин театрально взял в руки докладную записку Генштаба Приамурского военного округа и, читая, выкрикнул: «... *приказываю с материка привезти 8 орудий и 12 пулеметов для обороны острова*». И добавил:

– Пока хватит!

Прошло немало времени, а обороной Сахалина так серьёзно и не занимались. Но тревожные времена 1905-го года наступили, и начальник штаба Заамурского округа пограничной стражи Аркадий Валуев собрал военный совет по вопросу обороны Сахалина. Он сделал небольшой доклад, который долго обсуждали, и сильно удивился, заметив поднявшегося губернатора Сахалина Ляпунова.

– Что у тебя?

– У меня есть сведения о том, что японцы планируют нападение на Сахалин.

– Знаю, – скривился Валуев. – Об этом есть сведения от русских разведчиков. Господа, что конкретно предпримем?

– Губернатор Ляпунов составил план обороны Сахалина, давайте его послушаем, – выкрикнул кто-то из офицеров.

– Михаил Николаевич, прошу вас.

Генерал-лейтенант Ляпунов бодро стал докладывать:

– Местные воинские подразделения состоят из 1160 человек на севере и 330 человек на юге. При такой численности и слабом вооружении они не смогут противостоять вторжению японских частей. Поэтому предлагаю обеспечить оборону юга силами партизанских отрядов. Вот план обороны Южного Сахалина, который состоит в том, чтобы, отступая с боями вглубь острова, совершать партизанские вылазки в тылу противника, и продержаться там до дня заключения мирного договора, который мы все ожидаем.

– Разумно! – поддержали его. – А что с населением?

– Население острова всего около 30 тысяч человек, в основном оно из ссыльнопоселенцев, да каторжников. Нам удалось сформировать 14 дружин ополчения по 200 человек в каждой. Ссылные и каторжники записываются в добровольцы, надеясь на сокращение сроков отбывания на каторге. И конечно, у большинства из них этот «проклятый остров-каторга» симпатий не вызывает, и никаких патриотических чувств к нему, они не испытывают. Но, господа, иного пути нет! Пока военные учения не проводились, потому что мы боимся выдавать берданки своим «подопечным» раньше времени.

– Правильно!

– Для обороны южной части острова из Манчжурии весной 1905-го года прибудет группа офицеров и сменит тюремных чиновников на всех командных должностях. Эти офицеры будут

командовать пятью партизанскими отрядами и им будет выделены запасы продовольствия на 2–3 месяца. Вот список пяти партизанских отрядов. Читаю:

«Первый отряд полковника Иосифа Алоизовича Арцишевского: 415 человек, 8 орудий, 3 пулемета. Район действия – село Дальнее.

Второй отряд штабс-капитана Бронислава Владиславовича Гротто-Слепиковского: 178 человек, 1 пулемет. Район действия село Чеписан и озеро Тунайча.

Третий отряд капитана Полуботко: 157 человек – село Севастьяновка.

Четвертый отряд штабс-капитана Ильяс-Девлета Даирского: 184 человека – долина реки Лютоги.

Пятый отряд капитана Василия Петровича Быкова: 226 человек – долина реки Найбы».

– Не густо.

– А где взять более? Негде, господа, негде! Так я продолжу. Начальником обороны Южного Сахалина назначен полковник Арцишевский, в его отряд вошли моряки с крейсера «Новик», во главе с лейтенантом Александром Прокофьевичем Максимовым. Артиллеристы установили орудия, снятые с крейсера, в районе селения Пароантомари: одно 120-миллиметровое и три 47-миллиметровых. Еще два 47-миллиметровых орудия установили в деревне Соловьевка. Вот, господа, и всё!

– Остаётся надеяться только на Бога!

Глава 11. Переговоры

Самое удивительно то, что основные траты на подрывную деятельность в России, как, оказалось, были произведены японским правительством летом 1905 года, когда основные события войны были уже позади, и это не случайно. К лету японцы добились двух крупных побед: под Мукденом – на суше и при Цусиме – на море, и уже жаждали захватить остров Сахалин. После этих поражений у России существовал шанс отыграться, по крайней мере, на суше. Новый командующий русской армией Николай Линевич стал деятельно готовиться к наступлению. За время этой войны японская армия была обескровлена, а её «пиррова победа» под Мукденом принесла ей невосполнимые потери. И если русские, благодаря бесперебойно работающей Китайско-Восточной железнодорожной дороге, быстро восстановили и даже стали наращивать численность своих войск, то у японцев резервов уже не имелось.

Но, к сожалению, это наступление не состоялось, а японское командование задумалось о выходе из войны. Начальник штаба Маньчжурской армии генерал-лейтенант Кодама Гэнтаро отправился в Токио и, выступив в ставке микадо, призвал от имени своего начальника маршала Ояма искать возможности к миру. Он говорил:

– Япония обескровлена, а финансы, то бишь кредиты, которыми перед началом войны снабдили нас Великобритания и США, оказались небеспредельными. Так что единственный выход это заставить Россию пойти на мирное соглашение.

Истощённая войной Япония стремилась побыстрее установить мир с Россией. Даже после победы в Цусимском сражении, министр иностранных дел Комура Дзютаро отправил инструкцию послу в Америке Такахире Когоро, в которой он просил содействия у президента Теодора Рузвельта в заключение мирного договора с Россией.

1 июня 1905 года Такахира передал её президенту США, а 6 июня Соединённые Штаты Америки обратились к воюющим сторонам с предложением созвать мирную конференцию, на которую Российский император Николай II согласился.

Так правительство Николая II вместо того, чтобы добить обескровленную Японию, предпочло завязать мирные переговоры с ней. Это непростое решение было принято в связи с вспыхнувшей в 1905 году дикой смутой. Уже в июне произошло восстание экипажа броненосца «Потемкин», бунт военных моряков в Либаве, вооруженное восстание в польской Лодзи, а потом последовали беспорядки на Кавказе. И, конечно, на фоне революционного брожения России пришлось пойти на мирное соглашение с Японией. Николай II хотел как можно быстрее заключить мир прежде, чем японцы успеют оккупировать Сахалин. А японцы жаждали этого, чтобы оказаться на мирных переговорах в более выгодных условиях.

Верховным командованием Японии план вторжения на Сахалин был составлен, и 17-го июня его утвердил японский император Мэйдзи, который и отдал приказ одной из боеспособных частей японской армии, а именно, 13-ой дивизии под командованием генерала Кэнсая Харагути, готовиться к наступлению.

Глава 12. Офицеры

*Сахалинская каторга —
Ад российских бродяг.
Ты, кандальная Родина,
Каторжанский барак*
Е. Шапоров

Начальство главного штаба Приамурского военного округа понимало, что время тревожное, и в феврале 1905 года было собрано 12 офицеров, имевших военный опыт в Манчжурии, и направило их на Сахалин для командования партизанскими отрядами. Отправлял их помощник командующего Приамурским военным округом генерал-майор Андреев и, улыбаясь, он предупредил:

– Вы будите командовать каторжанами и уголовниками, и помните об этом!

– Мы быстро приведём уголовников в боевой дух, – весело за всех ответил капитан Быков, – ведь они же русские люди, значит, будут воевать!

– Ну, ну, воюйте, – усмехнулся в усы генерал.

Прибыв в пост Александровский, боевые офицеры явились к военному губернатору острова генерал-лейтенанту Ляпунову, и были удивлены, когда услышали от его помощника:

– Михаил Николаевич не принимает.

– Как не принимает?

– Какого чёрта! – разгорячился Быков. – Мы только что с дороги, а этот, видите ли «Не принимает»!

– Впрочем, я посмотрю, – побледнел помощник, – может, освободился.

Вскоре дверь кабинета открылась, и послышался рык начальника:

– Пусть входят!

Военный губернатор Сахалина, генерал-лейтенант Ляпунов, встретил офицеров настороженно. Офицеры отрапортовали о своём прибытии и замерли в ожидании.

Генерал вальяжно развалился в массивном кресле и, разглядывая прибывших, уставился на Быкова.

– Вы участвовали в Маньчжурской кампании? – спросил он.

– Так точно.

– Наверное, тяжело там было? – с издёвкой поинтересовался он. – Сделайте милость, признайтесь!

– Ваше превосходительство, было не сладко, – сдержанно ответил Быков.

– Что ж вы отступили от Мукдена? – возбудился Ляпунов. – Япошек испугались?

«Сам пороха не нюхал, а выпендривается» – подумал Быков, и резко ответил:

– Русские дерутся, как положено, невзирая на неважное командование...

– Это на кого вы намекаете? – взвизгнул губернатор, подумав: «Неужто, на безответственность Генштаба замахнулся?»

Быков вспомнил, как на позиции под Мукденом вместо боеприпасов в Маньчжурию иконы привозили, и пронзил глазами губернатора.

– Полноте вам, – пошёл на попятную Ляпунов, а сам подумал: «Больно смелый этот Быков, но голову не теряет!»

Посмотрев на пыльные мундиры офицеров, Ляпунов скривился и уже ласково заговорил:

– Долго же я вас ожидал. Небось, заглядывали куда? Нет? И где только вас черти носили!

Он вздохнул и велел своему помощнику:

– Распорядись разместить офицеров и поставить на довольствие. Всё. Ступайте!

Офицеры как оплётанные вышли из кабинета, а капитан Василий Быков заметил:
– Да уж, радушного приёма не было.

Помощник, услышав, пояснил:

– Вы, господа, так приняты были губернатором потому, что опоздали на полгода.

И только через месяц военный губернатор Ляпунов отправил капитана 1-го пехотного Сибирского Стретенского полка Василия Петровича Быкова с четырьмя офицерами в южную часть Сахалина, на пост Корсаковский. Этот долгий и изнурительный путь в горах по тайге неимоверно изматывал офицеров, но они не унывали и только подтрунивали друг над другом:

– Как тут воевать? Здесь даже не продрагаться сквозь дикие заросли!

– Слушай, проводник, – стал допытываться Быков, – далеко ли до Корсаковского?

Проводник айн сообразил, что нужно господам офицерам и кое-как объяснил:

– От Александровска до Онор пролегает просёлочная дорога. Дальше около сотни вёрст через тайгу и сопки по просеке тянется выючная тропа и выходит она к заливу Терпения на морской промысел Найоро. От этого промысла десятки вёрст берегом моря до селения Найбучи, а оттуда по грунтовой дороге можно уже добраться и до поста Корсаковского.

Офицеры поняли, что ещё много предстоит помучиться и шутили:

– Придётся набраться терпения, а по пути будем развлекаться со зверями.

– А что, я видел как за нами брёл мишка. Может, возьмём его в партизаны?

Так они шли и балагурили. Первым заметил какие-то строения Быков:

– Пришли что ли?

– Пост Корсаковский, – объявил проводник.

– Наконец-то прибыли, – отозвался Быков, отряхиваясь от пыли.

Увидев караульного, он крикнул:

– Сопроводи к начальнику.

Измотанных офицеров встретил полковник Арцишевский, назначенный начальником обороны Южного Сахалина. Он весело спросил:

– Как добрались?

– Хорошо ещё, что лошади не пали, – заулыбался Быков, – а так весь чёртов путь в 500 вёрст мы преодолели за 14 дней.

– Молодцы, – радовался полковник. – Располагайтесь.

Полковник Арцишевский приложил много сил, организовывая партизанские отряды, которые набирались из рецидивистов и уголовников, пожелавших воевать с японцами за обещанную амнистию. После военного совета, он в соответствии с распоряжением начальства, приказал капитану Василию Быкову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.